

DOI: <https://doi.org/10.60797/LAW.2025.8.2>

**СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭСТОППЕЛЬ: КАК ПОВЕДЕНИЕ
СТАНОВИТСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ**

Научная статья

Барков К.Б.^{1,*}

¹ Российский университет кооперации, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (barkov[at]resurspravo.ru)

Аннотация

В статье исследуется взаимосвязь института субсидиарной ответственности контролирующего должника лиц (КДЛ) и правового принципа эстоппель. Анализируется трансформация эстоппеля из доктрины общего права в действенный инструмент российского правоприменения, особенно в рамках дел о банкротстве. Автор рассматривает, каким образом непоследовательное, недобросовестное и противоречивое поведение КДЛ в ходе судебных разбирательств и в процессе управления компанией становится доказательством, обосновывающим привлечение к субсидиарной ответственности. Подчеркивается, что эстоппель, хотя и не закреплен в российском праве как самостоятельная норма, активно применяется судами в рамках системного толкования принципов добросовестности и процессуального равенства, создавая основу для более эффективного привлечения к ответственности.

На основе анализа актуальной судебной практики делается вывод о том, что эстоппель помогает преодолевать сложности доказывания вины КДЛ, когда последние умышленно создают препятствия для установления истины по делу, в частности, путем сокрытия или уничтожения документации. Статья раскрывает эстоппель не только как процессуальный запрет, но и как проявление принципа добросовестности, направленного на защиту прав кредиторов и пресечение злоупотреблений в сфере корпоративных отношений.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, эстоппель, контролирующее должника лицо (КДЛ), добросовестность, злоупотребление правом, банкротство, несостоятельность, доказывание, процессуальный эстоппель, поведение как доказательство, защита прав кредиторов, противоречивое поведение, сокрытие документации, непередача документации, бремя доказывания, судебная практика, принцип добросовестности, причинно-следственная связь.

SUBSIDIARY LIABILITY THROUGH THE PRISM OF ESTOPPEL: HOW BEHAVIOR BECOMES EVIDENCE

Research article

Barkov K.B.^{1,*}

¹ Russian University of Cooperation, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (barkov[at]resurspravo.ru)

Abstract

The article examines the relationship between the institution of subsidiary liability of persons controlling the debtor (PCD) and the legal principle of estoppel. The transformation of estoppel from a common law doctrine into an effective tool of Russian law enforcement, especially in bankruptcy cases, is analyzed. The author examines how inconsistent, unfair and contradictory behavior of PCD during litigation and in the process of managing a company becomes evidence justifying subsidiary liability. It is emphasized that estoppel, although not enshrined in Russian law as an independent norm, is actively used by courts within the framework of a systemic interpretation of the principles of good faith and procedural equality, creating a basis for more effective prosecution.

Based on the analysis of current judicial practice, it is concluded that estoppel helps to overcome the difficulties of proving the guilt of the debtor when the latter deliberately create obstacles to establishing the truth in the case, in particular, by concealing or destroying documentation. The article reveals estoppel not only as a procedural prohibition, but also as a manifestation of the principle of good faith aimed at protecting the rights of creditors and preventing abuses in the sphere of corporate relations.

Keywords: subsidiary liability, estoppel, debtor-controlling person (DCP), good faith, abuse of rights, bankruptcy, insolvency, proof, procedural estoppel, behavior as evidence, protection of creditors' rights, contradictory behaviour, concealment of documentation, failure to transfer documentation, burden of proof, judicial practice, principle of good faith, cause and effect relationship.

Введение

Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (КДЛ) за последние годы утвердился в качестве одного из центральных механизмов защиты прав кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве). Его основная цель — компенсировать имущественные потери кредиторов за счет лиц, чьи действия или бездействие привели компанию к финансовому краху. Однако на практике применение данного института сопряжено со значительными трудностями доказывания. Конкурсные управляющие и кредиторы часто сталкиваются с ситуацией, когда КДЛ, обладая всей полнотой информации и контроля над документацией должника, активно противодействуют установлению обстоятельств, свидетельствующих об их вине.

Развитие института несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации направлено на защиту интересов кредиторов и повышение эффективности работы с недобросовестными должниками. Одним из инструментов является институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц [11]. В условиях, когда КДЛ зачастую предпринимают действия, направленные на сокрытие имущества или искажение финансовой отчетности, традиционные методы доказывания их вины могут оказаться недостаточными. В этом контексте особую актуальность приобретает применение принципа эстоппель.

В таких условиях стандартные методы доказывания оказываются неэффективными. Именно здесь на первый план выходит правовая доктрина эстоппель (*estoppel*), которая, несмотря на свое англо-саксонское происхождение, все активнее применяется российскими судами. Эстоппель, по своей сути, представляет собой запрет на противоречивое поведение. Лицо, которое своими действиями или заявлениями создало у других определенное представление о фактах, впоследствии лишается права оспаривать эти факты, если другие лица добросовестно на них положились.

Цель статьи — рассмотреть применение принципа эстоппель в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности. Основной тезис заключается в том, что непоследовательное и недобросовестное поведение КДЛ может и должно рассматриваться судами не просто как процессуальное нарушение, а как самостоятельное доказательство наличия оснований для возложения на него ответственности. Поведение становится доказательством, а эстоппель является инструментом, чтобы доказательство юридически закрепить.

Основная часть

Эстоппель (от англ. *estoppel*) — правовой принцип, запрещающий лицу оспаривать ранее сделанные им заявления или действия, если другое лицо, полагаясь на них, понесло ущерб. Этот принцип, широко распространенный в англо-саксонской правовой системе, в российском праве не имеет прямого закрепления, но активно применяется через системное толкование норм о добросовестности (ст. 1 ГК РФ) и процессуальном поведении сторон (ст. 41, ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ) [1], [2]. Данный принцип предполагает, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Наиболее яркое нормативное выражение эстоппель получил в пункте 5 ст. 166 ГК РФ, согласно которому «заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на ее действительность» [11, С. 88].

В процессуальном праве эстоппель также находит свое отражение. Его можно вывести из системного толкования положений ст. 41 и ч. 3.1 ст. 70 Арбитражного процессуального кодекса РФ [1]. Лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, а обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены. Как справедливо указано в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2018 № Ф05-20176/2018 по делу № А40-200515/17, процессуальный эстоппель представляет запрет ссылаться на обстоятельства, которые ранее признавались стороной бесспорными, исходя из ее действий или заверений [7]. Верховный Суд РФ также последовательно ориентирует суды на требование о непротиворечивости поведения участников спора [4].

Таким образом, эстоппель в российском праве является логическим развитием принципа добросовестности, направленное на поддержание стабильности оборота и предотвращение злоупотреблений правом [2, С. 41].

В субсидиарной ответственности эстоппель приобретает особое значение. Применение эстоппель в делах о субсидиарной ответственности имеет ряд специфических черт, так как помогает преодолеть сложности, связанные с доказыванием вины КДЛ, особенно когда отсутствуют прямые письменные доказательства. Поведение КДЛ, их действия и бездействие, становятся самостоятельными элементами доказывания, помогая суду выстраивать логическую цепочку, ведущую к установлению причинно-следственной связи между их действиями и банкротством.

Сложность доказывания причинно-следственной связи между действиями КДЛ и банкротством компании часто обусловлена не отсутствием вины руководителя, а его активными действиями по сокрытию доказательств. Одной из самых распространенных ситуаций, где применяется эстоппель, является непередача или утрата финансовой и бухгалтерской документации должника. Конкурсный управляющий обязан собрать полную информацию о деятельности должника, чтобы определить наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности. Однако, как показывает практика, бывшие руководители часто заявляют об утрате документов или отказываются их передавать. В таких случаях суды применяют презумпцию, что отсутствие документации обусловлено стремлением скрыть недобросовестные действия.

В Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.11.2018 № Ф07-13957/2018 по делу № А56-40228/2014 рассматривалась ситуация, когда руководитель и единственный участник общества выдал сам себе займы, оформив соответствующие договоры и квитанции. Впоследствии, в рамках дела о банкротстве, он не передал кассовую книгу и иные документы управляющему. Кредиторы, оспаривая займы, столкнулись с невозможностью доказать, были ли денежные средства реально внесены в кассу общества. Суды, применяя логику эстоппеля, пришли к выводу, что руководитель, который сам создал условия для невозможности проверки оприходования средств (не передав документы), не вправе ссылаться на отсутствие доказательств их поступления в кассу. Его поведение — оформление документов и последующее их сокрытие — было расценено как достаточное основание для вывода о том, что именно он несет ответственность за невозможность установить истину. Он был «лишен права на возражение» (*estopped*) по этому вопросу [8].

Еще более наглядный пример содержится в Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2022 по делу № А56-72275/2016. В деле ликвидатор должника не передал документацию конкурсному

управляющему. Изначально он утверждал, что передал ее на хранение в другую организацию, а здание, где хранились документы, было снесено. Однако позже в апелляционной жалобе он начал ссылаться на иные обстоятельства. Суд обратил внимание на такую противоречивость. Изменение позиции, предоставление взаимоисключающих объяснений относительно судьбы основных для дела документов было расценено как недобросовестное поведение. Такое поведение само по себе стало доказательством того, что руководитель не исполнил свою обязанность по передаче документации, что является одним из безусловных оснований для привлечения к субсидиарной ответственности [10].

Таким образом, суд, сталкиваясь с противоречивым поведением КДЛ, применяет опровержимую презумпцию «если ты ведешь себя непоследовательно, скрываешь факты или меняешь показания, значит, тебе есть что скрывать» [12, С. 230]. Бремя доказывания обратного (то есть своей добросовестности и отсутствия вины) в такой ситуации переходит на само контролирующее лицо.

Принцип эстоппель также проявляется в запрете на противоречивое поведение в процессе. КДЛ не могут занимать одну позицию на начальных стадиях процесса, а затем менять ее, если это выгодно для них. Особенно актуально, когда КДЛ ранее совершали действия, которые подтверждают определенные факты, а затем пытаются их оспорить. Так, в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.06.2022 по делу № А55-14290/2021 акционер пытался оспорить решение суда первой инстанции, ссылаясь на недоказанность ущерба, причиненного обществу. При этом он сам ранее заявлял о наличии ущерба, причиненного преступлением, установленном вступившим в силу судебным актом. Суд апелляционной инстанции указал, что применение принципа эстоппель в данном случае было обоснованным, поскольку противоречивое поведение истца является злоупотреблением правом [9].

Несмотря на свою эффективность, эстоппель не является универсальным инструментом и имеет свои пределы применения. Важно понимать, что его задача — не наказать за любое противоречие, а защитить добросовестную сторону и правопорядок в целом [6, С. 28].

Показательным является Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.02.2018 по делу № А40-176343/2016. В этом деле ВС РФ указал, что общая норма об эстоппеле (п. 5 ст. 166 ГК РФ), запрещающая оспаривать сделку ее стороне, не применяется к требованиям о признании сделок недействительными по специальным банкротным основаниям (например, сделки с предпочтением или подозрительные сделки). Логика высшей инстанции понятна, так как в делах о банкротстве защищается не столько интерес другой стороны сделки, сколько публичный интерес всех кредиторов. Разрешить КДЛ ссылаться на эстоппель, чтобы сохранить сделку, нанесшую вред всей массе кредиторов, означало бы искажение самой сути законодательства о несостоятельности [5].

Кроме того, суды должны подходить к применению эстоппеля взвешенно, чтобы не нарушить права самого ответчика. Как отмечалось в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.06.2022 по делу № А55-14290/2021, заявитель жалобы указывал на то, что суд применил принцип эстоппель по собственной инициативе, не вынося на обсуждение сторон обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности. Применение эстоппеля должно быть мотивированным и основываться на исследованных в судебном заседании фактах поведения стороны, чтобы у нее была возможность дать свои пояснения [8].

Особое внимание следует уделить свежим позициям Верховного Суда РФ. Так, в обзоре судебной практики от апреля 2025 года по вопросам субсидиарной ответственности и убытков, ВС РФ подчеркнул, что при оценке добросовестности КДЛ необходимо учитывать их поведение не только в рамках судебного процесса, но и в период, предшествующий банкротству, особенно в части создания искусственных препятствий для реализации процедур банкротства. В Обзоре от июля 2025 года, анализируя вопросы взыскания убытков с КДЛ, Верховный Суд РФ фактически расширил применение принципа эстоппель, указав, что противоречивое поведение руководителя (например, смена позиции по вопросу наличия или отсутствия полномочий, сведений о состоянии документации) может быть положено в основу вывода о наличии вины и причинно-следственной связи, даже если прямые доказательства уничтожены [3]. Обзор судебной практики ВС РФ подтверждает курс на активное использование недобросовестного поведения КДЛ в качестве самостоятельного доказательственного факта.

Заключение

Анализ судебной практики показывает, что доктрина эстоппель прочно вошла в арсенал российских судов при рассмотрении споров о привлечении к субсидиарной ответственности. Она перестала быть экзотической правовой конструкцией и превратилась в действенный механизм, чтобы реализовать принцип добросовестности на практике.

Главный вывод заключается в том, что в условиях информационного и документального контроля со стороны КДЛ их собственное поведение становится одним из важнейших, а порой и единственным, доказательством вины. Непоследовательность в заявлениях, сокрытие документов, предоставление противоречивых сведений — формирует у суда убеждение в недобросовестности контролирующего лица и дает применить к нему неблагоприятные правовые последствия. Эстоппель работает, как юридический механизм, который лишает недобросовестную сторону возможности извлекать выгоду из созданных ею же препятствий для правосудия.

Таким образом, эстоппель через призму субсидиарной ответственности — процессуальное поведение, которое трансформируется в материально-правовое доказательство, укрепляя институт ответственности руководителей и защищая законные интересы кредиторов в делах о банкротстве. Практика применения эстоппель в делах о банкротстве продолжает развиваться, и, хотя существуют определенные ограничения, установленные Верховным Судом, данный принцип остается мощным инструментом в руках судов для обеспечения справедливости и защиты интересов кредиторов. Применение эстоппель в делах о субсидиарной ответственности не только повышает шансы кредиторов на удовлетворение своих требований, но и дисциплинирует участников гражданского оборота, формируя требование к последовательности и добросовестности их поведения.

Благодарности

Автор выражает благодарность Никодимову Игорю Юрьевичу и Ефимовой Ольге Владимировне.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Acknowledgement

The author expresses gratitude to Nikodimov Igor Yurievich and Efimova Olga Vladimirovna.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 70.
2. Нам К.В. Эстоппель в контексте принципа добросовестности / К.В. Нам // Закон. — 2020. — № 4. — С. 38–46.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) : утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.07.2017 № 18-КГ17-68.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.02.2018 по делу № А40-176343/2016.
6. Подшивалов Т.П. Характеристика эстоппеля в российском праве / Т.П. Подшивалов, К.А. Роор // Право и экономика. — 2017. — № 2 (348). — С. 24–28.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2018 № Ф05-20176/2018 по делу № А40-200515/17.
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.11.2018 № Ф07-13957/2018 по делу № А56-40228/2014.
9. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.06.2022 по делу № А55-14290/2021, № 11АП-5666/2022.
10. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2022 по делу № А56-72275/2016.
11. Седова Ж.И. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации : монография / Ж.И. Седова, Н.В. Зайцева. — Москва : Статут, 2014. — 160 с.
12. Седова Ж.И. Справедливый баланс интересов участников правоотношений как результат отрицания недобросовестного поведения / Ж.И. Седова // Юридическая наука. — 2023. — № 3. — С. 228–235.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation] : Federal Law No. 95-FL of 24 July 2002 (as amended on 25 December 2018) // Sbornik zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation]. — 2002. — № 30. — Art. 70. [in Russian]
2. Nam K.V. Estoppel' v kontekste principa dobrosovestnosti [Estoppel in the context of good faith principle] / K.V. Nam // Zakon [Statute]. — 2020. — № 4. — P. 38–46. [in Russian]
3. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 1 (2025) [Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 (2025) : approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 25, 2025. [in Russian]
4. Opređenje Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF ot 25.07.2017 № 18-KG17-68 [Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 25, 2017 № 18-KG17-68]. [in Russian]
5. Opređenje Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 08.02.2018 po delu № А40-176343/2016 [Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of February 8, 2018 in case № А40-176343/2016]. [in Russian]
6. Podshivalov T.P. Harakteristika estoppelya v rossijskom prave [Estoppel characteristics in the russian law] / T.P. Podshivalov, K.A. Roor // Pravo i ekonomika [Law and Economics]. — 2017. — № 2 (348). — P. 24–28. [in Russian]
7. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 19.11.2018 № F05-20176/2018 po delu № А40-200515/17 [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of November 19, 2018 № F05-20176/2018 in case No. А40-200515/17]. [in Russian]
8. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 23.11.2018 № F07-13957/2018 po delu № А56-40228/2014 [Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of November 23, 2018 № F07-13957/2018 in case No. А56-40228/2014]. [in Russian]
9. Postanovlenie Odinnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 27.06.2022 po delu № А55-14290/2021, № 11АП-5666/2022 [Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of June 27, 2022 in case № А55-14290/2021, № 11АП-5666/2022]. [in Russian]
10. Postanovlenie Trinadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 22.12.2022 po delu № А56-72275/2016 [Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of December 22, 2022 in case № А56-72275/2016]. [in Russian]

11. Sedova Zh.I. Princip estoppel' i otkaz ot prava v kommercheskom oborote Rossijskoj Federacii [The principle of estoppel and waiver of rights in the commercial turnover of the Russian Federation] : monograph / Zh.I. Sedova, N.V. Zaitseva. — Moscow : Statut, 2014. — 160 p. [in Russian]
12. Sedova Zh.I. Spravedlivyj balans interesov uchastnikov pravootnoshenij kak rezul'tat otricanija nedobrosovestnogo povedenija [A fair balance between the interests of the participants in legal relations as a result of the negation of bad faith conduct] / Zh.I. Sedova // Yuridicheskaya nauka [Legal Science]. — 2023. — № 3. — P. 228–235. [in Russian]